

DOI 10.35775/PSI.2026.128.4.004

УДК 323.39

А.А. ЛЕОНИДЧЕНКО

аспирант кафедры философии и социологии,

Академия труда и социальных

отношений, Россия, г. Москва

E-mail: leonidchenko.anton@gmail.com

ТЕХНОКРАТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЕ: К ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ИСТОКАМ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА

Статья посвящена рассмотрению классических политико-философских концепций и подходов, предшествующих зарождению современных представлений о технократии. В работе предлагается расширить интеллектуальную генеалогию технократической идеи за счет изучения источников, которые относятся к эпохам, предшествующим модерну. На основе сравнительного анализа античной постановки вопроса о правлении знающих, моистского принципа выдвижения по способностям и политических рекомендаций И.С. Пересветова московскому государю середины XVI в. показано, что вопрос о компетенции как основании власти ставился в различных культурах. Этот факт свидетельствует о структурной природе запроса на компетентное правление, не сводимой к культурной специфике конкретной традиции и возникающей в обществах, где сложность управленческих задач превышает возможности действующих процедур отбора правителей. Терминологическое оформление понятия технократия относится к индустриальной эпохе, когда за технократом закрепляется функция постановки задач без права принятия окончательного политического решения. Эмпирические исследования последних лет фиксируют расхождение между декларируемым технократическим сдвигом в российской элите и фактической перестройкой механизмов принятия решений. Включение русской политической мысли XVI в. в указанную генеалогию уточняет интерпретацию современной российской технократизации. При заимствованном характере ее институциональных форм принцип компетенции в рекрутировании политических элит обнаруживает в русской политической традиции собственную линию преемственности.

Ключевые слова: государство, политическая элита, правление знающих, право на власть, технократия, рекрутирование элиты.

Термин «технократия» и производные от него лексемы чрезвычайно широко используются в российском общественно-политическом дискурсе. Журналисты привыкли именовать «технократами» деполитизированных представителей исполнительной власти, которые обладают набором универсальных управленческих навыков. Однако в данном случае речь скорее идет о бюрократии. Очевидно, что далеко не все чиновники, успешно освоившие набор профессиональных

компетенций, могут быть отождествлены с технократами, равно как и среди технократов есть те, кто не принадлежат к числу политиков или государственных управленцев. При этом не подлежит сомнению тот факт, что в условиях формирования информационного общества практически во всех развитых и развивающихся странах разворачивается стремительный процесс технократизации правящих элит. Одним из его наиболее заметных проявлений может считаться констатируемое российским исследователем П.Я. Фельдманом обретение политической субъектности IT-корпорациями [18]. Действительно, специалисты, обладающие выдающимися познаниями в области науки и техники (прежде всего, в сфере искусственного интеллекта), имеют возможность применить свои инновационные наработки для решения задач, лежащих в плоскости государственной политики и управления. Данный процесс разворачивается настолько стремительно, что на Западе уже бьют тревогу по поводу формирования новой «цифровой олигархии». Таким образом, сам характер современных политических процессов детерминирует необходимость более глубокого осмысления феномена технократии.

В научно-экспертном сообществе прочно укоренилось представление о том, что технократическая идея берет свои истоки в индустриальном периоде развития общества, а ее интеллектуальная история начинается с А. Сен-Симона. Такой подход имеет под собой веские основания, однако в буквальной трактовке он существенно обедняет теоретическую базу рассматриваемой проблемы. Еще задолго до формирования технократических воззрений упомянутого французского мыслителя Сократ и Платон утверждали, что политические решения должны принимать люди, обладающие специальными знаниями в сфере государственного управления. Воззрения античных философов свидетельствуют о том, что вопрос о профессиональных компетенциях представителей правящей элиты имеет глубокие исторические корни. Он актуализируется в обществах, сталкивающихся с резким усложнением управленческих задач, когда существующие политические лифты и механизмы рекрутирования перестают отвечать на вызовы времени. Констатируемая на современном этапе глобальная технократизация в таком преломлении перестает выглядеть уникальной и начинает восприниматься как логичное продолжение процесса, истоки которого уходят в глубокую древность. Представляется необходимым изучить генезис философских и научных представлений о том, кому должно принадлежать право на реализацию политической власти. Современное понимание технократической элиты несет в себе предпосылки, накопленные политической мыслью в течение более чем двух тысячелетий, и без их прояснения общая картина будет оставаться неполной.

Платоновская концепция «философов-правителей» может считаться отправной точкой в развитии аксиологического подхода к идентификации политической элиты. Для понимания всей глубины технократической идеи существенна не механическая констатация того факта, что Платон считал власть делом знающих, а конкретный механизм, через который знание превращается

в право на власть. Ответ на этот вопрос содержится в учении Сократа, который, как известно, не оставил собственных текстов, и его взгляды реконструируются через свидетельства учеников. В «Воспоминаниях» Ксенофонта сохранен весьма показательный диалог, в котором Сократ настаивает на том, что управление государством по своей природе не отличается от любого другого ремесла, поскольку править должны не те, кто формально обладают титулом, избран жребием или получил власть силой, а те, кто обладают соответствующим умением, мотивируя это тем, что корабль доверяют знающему моряку, которому подчиняются все пассажиры [5]. Аналогия с ремеслом принципиальна, поскольку Сократ рассматривает политическое управление в качестве разновидности профессиональной деятельности, требующей специальной подготовки и компетенций. В его постановке еще нет концепций отбора и механизма приведения к власти знающих, однако уже есть тезис о том, что управление тождественно знанию и, следовательно, является привилегией узкого аристократического круга.

Платон последовательно развивает аристократическую традицию Сократа до уровня полноценной политической концепции. В третьей книге «Государства» описывается процедура отбора стражей, в рамках которой кандидаты проходят испытания трудом, страхом и удовольствием, и к государственному управлению допускаются только те, кто смог успешно пройти все три этапа [11]. В пятой книге Платон называет подлинными правителями философов, обладающих знанием идеи блага, которое рассматривается как единственное основание правомерности власти [12], и в шестой раскрывает обоснование этого тезиса через концепцию идеи блага [13]. Знаменитая формула о соединении государственной власти и философии представляет собой первую в европейской традиции четко сформулированную концепцию правления знающих. Важно отметить, что Платон не только подтверждает мысль Сократа, но и предлагает конкретный механизм отбора кандидатов в правители. Этот механизм содержит в себе и образовательный компонент, позволяющий выработать у будущих руководителей государства набор необходимых им компетенций.

Платоновская модель государственного устройства подвергалась критике еще при жизни ее разработчика. В частности, Аристотель рассуждает о том, что компетентность гражданина, призванного к управлению, не сводится к владению каким-либо отдельным навыком. С его точки зрения, качество правителя нельзя измерить по той же шкале, что и ремесленника. Так, управление общим делом, по мнению греческого философа, требует особого рода рассудительности, которая формируется в практике политического участия и не выводится из специального знания о каком-либо предмете [2]. Такой подход напрямую не противоречит концепциям Сократа и Платона. Однако он несет в себе важное уточнение, согласно которому высокая компетентность нужна правителю, однако природа знания политического отличается от природы знания технического. Сократовский моряк был образом эксперта-правителя, знающего государство подобно тому, как ремесленник знает сферу своей повседневной прикладной деятельности. Аристотель уподобляет правителя кормчему, который знает

руль точнее, чем мастер, этот руль сделавший. Дом лучше понимает не строитель, а хозяин, пир – гость, а не повар [2. С. 130]. Знание о вещи открывается тому, кто ею пользуется, а не тому, кто ее устроил, и политика в этом смысле представляет собой опыт, приобретаемый только изнутри. Инверсия дает результат, противоположный платоновскому: знание о политическом порядке принадлежит не эксперту в устройении этого порядка, а тем, кто в нем живет, вырабатывая ту самую «рассудительность», которая и является специфической добродетелью правителя.

Сократ, Платон и Аристотель формируют ядро античного европейского представления о правлении знающих, однако есть веские основания полагать, что аналогичные проблемы решались не только древними греками, но представителями восточной философии. Следовательно, необходимо обратиться к древнекитайской мысли V-IV веков до н.э., где принцип правления знающих был сформулирован в моистской традиции, отраженной в трактате, носящем имя ее основателя. Мо-цзы выдвинул принцип, по своему содержанию очень близкий технократической идее Сократа и Платона. Основным критерием эффективного государственного управления он определял мудрость, которая на практике выражалась в функциональной пригодности руководителя к решению управленческих задач. Совершенномудрый ван предварительно оценивал речь, поступки и способности кандидата, и только после этого назначал его на должность. Объем властных полномочий определялся по принципу соответствия реальных способностей человека масштабу и характеру решаемых им задач. Эффективность государственного управленца определялась по результатам его работы: спокойствию в государстве, полноте казны, достатку у народа. Если результата нет, то неспособного следует убрать с должности, как бы знатен и богат он ни был. Древнекитайский мыслитель демонстрирует радикальную позицию, отвергая любые неоперациональные критерии отбора, включая знатность, богатство, родственные связи, внешность.

Моистский подход прямо называет специальные навыки, которым должен обладать руководитель каждого уровня. Например, в департаменте важно правильно регулировать сбор податей для пополнения казны, а на уровне селения – руководить полевыми работами и продовольственным снабжением [9]. Мы считаем, что и платоновская, и моистская теории относятся к одной традиции, но располагаются в разных частях ее спектра: Мо-цзы тяготеет к технократическому полюсу, а Платон – к эпистократическому. Примечательно, что такая параллель возникает без какого-либо задокументированного контакта между древними культурами. Факт независимой постановки одного и того же вопроса китайскими и греческими мыслителями указывает на объективную природу дискуссии о правлении знающих. Эта дискуссия инициировалась в условиях усложнения государственных институтов и расширения круга управленческих задач. Представители русской политической мысли задались аналогичными вопросами значительно позже на фоне попыток Московского государства решать накопившиеся управленческие задачи высокого уровня сложности в XVI веке.

Перед монаршей властью стояла комплексная задача: обеспечить централизацию системы управления, упорядочить процесс формирования служилой аристократии, а также одержать победу в борьбе с боярским местничеством. Форма постановки вопроса о качестве управленцев нового типа сложилась под влиянием двух ключевых факторов. С одной стороны, возведенное в ранг государственной религии православие позволяло усвоить некоторые античные политические традиции через византийское влияние, а с другой – Московское государство накопило свой уникальный опыт, нуждающийся в концептуализации. В частности, русский мыслитель и публицист И.С. Пересветов рассуждает в характерных для этой традиции категориях, восходящих к византийской и раннерусской книжности. Его подход нашел практическое применение, что особенно ценно в контексте настоящего исследования.

И.С. Пересветов в своих челобитных и сказаниях рекомендовал молодому Ивану IV возвышать служилых людей по их реальным военным и управленческим заслугам вопреки знатности рода и боярскому местничеству. «Сказание о Магмете-салтане» и «Большая челобитная» сформулированы в форме прямого обращения к царю с призывом окружить себя людьми, выдвинутыми по делу, и держать их при себе в зависимости от того, что они умеют, не придавая значения их родословной. Ключевые идеи И.С. Пересветова переданы мыслителем в категориях, далеких от современной политологической лексики. Например, он рассуждает о «правде» и «грозе» как двух необходимых опорах царской власти [10], принцип возвышения в иерархии за заслуги выражен словами «и полки недругов разрывает, и царю верно служит, хотя от меньшего колена, и он его на величество подымает» [10. С. 158]. Несмотря на лексическую специфику, смысловая нагрузка идей И.С. Пересветова совпадает с тезисами Сократа и Мо-цзы о неэффективности государства в случае распределения власти на основе любых критериев, кроме реальной способности к управлению. Разумеется, И.С. Пересветову нельзя приписывать технократические идеи. Корректнее сказать, что предложенный им механизм формирования элит для решения управленческих задач Московского государства XVI века предвосхищает позднейший аргумент о компетентности как основании права на власть.

Ставить интеллектуальное наследие Московского государства в один ряд с античной и древневосточной философией следует с осторожностью, поскольку буквальное сопоставление источников, представляющих столь разные эпохи и культуры, неуместно. И.С. Пересветов одним из первых в русской политической традиции предложил практическую реализацию принципа компетенции против принципа происхождения. Это означает, что декларируемая практика современной России по выдвижению управленцев по компетентности и профессиональным качествам имеет более глубокие основания, чем принято считать, и обнаруживает идеи концептуальных предшественников, сформулированные в собственных категориях и на собственном историческом материале. Основные институциональные формы современного российского технократического сдвига заимствованы из европейского и азиатского опыта. Однако наличие

внутренней преемственности существенно меняет его интерпретацию, и технократизация в России перестает выглядеть как имитационная конструкция, не имеющая локальных культурных оснований.

Рассмотренные нами классические концепции (за исключением аристотелевского контраргумента против отождествления политической компетентности с компетентностью технической) предшествуют формированию технократических идей XIX-XX веков. Мыслители прошлого воспринимают знание, дающее право на власть, либо как способность постичь метафизическую идею блага, либо как практическое умение, подобное любому ремеслу. К Новому времени круг источников, к которым апеллирует аргумент о правлении компетентных, смещается к знанию естественнонаучному и техническому. При всем различии между метафизическим, практическим и естественнонаучным пониманием знания содержательное ядро аргумента сохраняется неизменным. Каждый из рассмотренных подходов исходит из того, что власть, основанная на наследственном принципе, жребии или родовой знатности, перестает справляться с задачами определенного класса сложности и должна быть дополнена или замещена властью, основанной на профессиональной пригодности. Именно эта структурная преемственность позволяет рассматривать современную технократию как очередную форму разрешения вопроса, который с неизбежностью возникает в эпоху резкого усложнения механизмов государственного управления.

Понятие «технократия», смысл которого закладывался еще в политической мысли античного периода, обрело соответствующее терминологическое выражение лишь в начале XX века. Как справедливо указывает А.Ш. Азимли оглы, этот термин был введен в общественно-научный оборот в 1919 году инженером У.Г. Смитом [1]. Слово было образовано соединением двух греческих основ – τέχνη («мастерство, ремесло, искусство») и κράτος («власть, господство»). Современное содержание термина оформилось не сразу. Российский исследователь А.Б. Пономарев обращает внимание на то, что У.Г. Смит понимал технократию как «правление народа, ставшее эффективным благодаря деятельности его слуг, ученых и инженеров», то есть как форму индустриальной демократии, при которой носители специализированного знания участвуют в принятии управленческих решений наряду с представителями электората [15. С. 72]. Подобный подход к интерпретации рассматриваемого нами понятия гораздо ближе к его современным трактовкам, но все-таки значительно отличается от них.

Производная лексема «технократ» возникла в англоязычной среде и вошла в русский политический лексикон путем заимствования. Если под технократией понимается специфическая система устройства власти и принципы рекрутирования политической элиты, то категория «технократ» применяется для описания профессионального типа руководителя, обладающего специализированными техническими компетенциями. А.О. Левкина замечает, что в современной литературе термин «технократия» используется, как минимум, в шести различных трактовках от концепции власти до типа общества [6]. Столь значительная смысловая неоднородность понятия свидетельствует о многогранности сфер

его применения в современной политической науке. Аналогичная неопределенность находит выражение и в российском общественно-политическом дискурсе: технократами принято называть государственных служащих, добросовестно выполняющих распоряжения высшего руководства и имеющих глубокие познания в сфере своей деятельности, даже если им не присуща направленность на прогрессивное реформирование через внедрение инноваций.

Идея правления знающих в XX веке прошла через несколько этапов теоретического переосмысления. А.В. Макаров рассматривает концепцию Т. Веблена, изложенную в работе «Инженеры и система ценообразования», как альтернативу классическому либерализму «невидимой руки рынка» и коммунистическим проектам переустройства экономики [7]. Другой отечественный исследователь С.Ю. Бычков замечает, что в концепции постиндустриального общества Д. Белла технократическая элита получает три определяющих признака, в числе которых приоритет теоретического знания в выработке политических ориентиров, доминирование специалистов и технического класса в профессиональной структуре общества, опора на новую интеллектуальную технологию при принятии ключевых решений. При этом новая технократическая элита не вытесняет представителей бюрократических и капиталистических кругов, которые остаются на своих позициях, поскольку препятствием господству технократов выступает особая иррациональная природа политической сферы. Технократы становятся группой политиков, способных влиять на политические процессы без права принятия окончательных решений [4]. На протяжении полувека концептуальная роль технократов претерпевает существенную трансформацию. Притязания инженерно-технической интеллигенции на полноту власти сменяются ограниченной функцией постановки проблем и выработки технических решений, тогда как определение политических приоритетов остается за политическим классом.

При обращении к современному российскому материалу обнаруживается, что содержание понятия «технократ» в отечественной литературе существенным образом варьируется. Соответственно, остается дискуссионным вопрос о том, наличествуют ли технократы в политической элите современной России. Так, В.А. Безрученко считает технократами руководителей, которых отличает принадлежность к научно-технической и экономической элитам. По его мнению, класс технократов в современной России фактически отсутствует, а его становление идет медленно [3]. М.Х. Фарухшин демонстрирует приверженность более широкому подходу, определяя технократа как «управленца, обладающего специальными негуманитарными знаниями, которые он применяет в профессиональной деятельности» [17. С. 78]. Подобная трактовка рассматриваемого нами понятия позволяет утверждать, что в политической элите современной России присутствует технократическая прослойка.

Масштабное эмпирическое исследование проведено Д.В. Покатовым, обработавшим биографии 685 представителей федеральной политической элиты и 65 региональных политиков на материале Саратовской области. Технократию

исследователь определяет как особый социально-профессиональный слой внутри политической элиты. На высшем уровне государственной системы он представлен управленцами со специальным образованием и опытом, а на «околоэлитном» уровне его формируют эксперты, инженеры и технические специалисты, исполняющие принятый политический курс. По этому критерию доля технократов в федеральной элите оценивается указанным автором в 43,6%, а в региональной – составляет 4%. Соответствующий тип управленцев Д.В. Покатов обозначает как технократов-администраторов и отмечает его несовпадение с классическими западными моделями. По его мнению, многие представители данной группы остаются узкоориентированными администраторами и не могут считаться источником широких социальных инноваций [14].

Таким образом, важно разграничить понятия технократа и чиновника-администратора. Первый всегда ориентирован на установленную процедуру, а второй – на решение управленческой задачи благодаря наличию специализированных знаний и внедрение новых методов и технологий. Российский исследователь А.Ю. Милых видит оптимальную конфигурацию власти как сплав публичных политиков с представителями бюрократии, успешного менеджмента, медиакратии и технократов, в которой ни одна из этих групп не получает монопольного положения [8]. А.Б. Понамареv, рассматривая технократизацию в государственном и муниципальном управлении современной России, обнаруживает, что российская управленческая культура публичной власти в условиях внедрения инструментов технократизма и менеджеризма сталкивается с неформальным сопротивлением и адаптируется на уровне имитации [15]. По мнению А.А. Прасова, современный российский технократизм является политической технологией, в которой назначение управленца с инженерно-техническим или экономическим опытом сопровождается медийным конструированием политического мифа «эффективного технократа» [16].

Мы склонны полагать, что технократизация, заявляемая как содержательный сдвиг, на практике сводится к смене институционального оформления власти при сохранении прежних механизмов принятия политико-управленческих решений. Разграничение широкой и узкой трактовок понятия «технократ» приобретает здесь принципиальное значение, поскольку при его расширительной интерпретации значительная доля федеральной элиты формально подпадает под рассматриваемую категорию, тогда как сужение критерия до способности к выработке инновационных управленческих решений ведет к получению обратных выводов. Институциональные формы современной российской технократизации заимствованы из европейского и азиатского опыта, однако принцип возвышения в иерархии компетентных людей имеет в отечественной политической мысли собственную линию преемственности. Формируемый в публичном информационном пространстве образ российского чиновника-технократа частично согласуется с научным и философским пониманием соответствующего феномена. По мере повсеместного внедрения технологий искусственного

интеллекта и усложнения задач, реализуемых в сфере государственного управления, приток технократов в систему власти будет усиливаться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Азимли А.Ш. оглы.** Технократия как мировоззрение // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 39-45. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-39-45.
2. **Аристотель.** Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. Кн. III, гл. II, § 10-11; кн. III, гл. VI, § 10-11.
3. **Безрученко В.А.** Социально-философский анализ класса технократов как комплексной элиты будущего // Вестник Омского университета. 2014. № 3. С. 80-81.
4. **Бычков С.Ю.** Представление об элите в технократических концепциях XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2011. № 2. С. 25-30.
5. **Ксенофонт.** Воспоминания о Сократе / изд. подг. С.И. Соболевский. М.: Наука, 1993. Кн. III, гл. 9, параграфы 10-11.
6. **Левкина А.О.** Коннотации технократии в дискурсе о формах инновационного развития общества // Социум и власть. 2017. № 6. С. 13-20.
7. **Макаров А.В.** «Технократия инженеров» Т. Веблена как альтернативная концепция управления экономикой // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 3.
8. **Милых А.Ю.** Эволюция технократизма // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2009. № 142. С. 167-169.
9. **Мо-цзы.** Почитание мудрости (Шан сянь), часть вторая // Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах / сост. Ян Хин-шун. М.: Мысль, 1972. Т. 1.
10. **Пересветов И.С.** Сказание о Магмете-салтане (первая редакция) // Сочинения И. Пересветова / подгот. текста А.А. Зимина; под ред. чл.-корр. АН СССР Д.С. Лихачева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
11. **Платон.** Государство // Платон. Собрание сочинений в 4 т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. Т. 3. Кн. III (413e-414e).
12. **Платон.** Государство // Платон. Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. Кн. V (473d-e).
13. **Платон.** Государство // Платон. Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. Кн. VI (484a-511e).
14. **Покатов Д.В.** Технократы в политической элите: особенности и роль в транзитивном обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 11. С. 84-87.

15. **Понамарев А.Б.** Технократизм в государственном и муниципальном управлении: опыт реализации и перспективы применения в России // Caucasian Science Bridge. 2022. Т. 5, № 2. С. 70-80. DOI: 10.18522/2658-5820.2022.2.6.
16. **Прасов А.А.** Технократизм как политическая технология мифотворчества в государственном управлении России // Viaintempore. История. Политология. 2023. Т. 50, № 2. С. 526536. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-526-536.
17. **Фарукшин М.Х.** Технократия: надежды и риски // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 76-86. DOI: 10.31857/S013216250004959-7.
18. **Фельдман П.Я.** IT-корпорации на пути к обретению политической субъектности: угрозы и возможности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. С. 184-193

А.А. LEONIDCHENKO

Postgraduate student of the Department
of Philosophy and Sociology, Academy of Labor and Social
Relations, Moscow, Russia

PRE-TECHNOCRATIC ORIGINS OF THE IDEA OF RULE BY THE KNOWLEDGEABLE: FROM ANCIENT THOUGHT TO THE MUSCOVITE POLITICAL TRADITION

The article examines classical political-philosophical concepts and approaches that preceded the emergence of European notions of technocracy. The study proposes an extension of the intellectual genealogy of the technocratic idea through the inclusion of sources from pre-modern epochs. On the basis of a comparative analysis of the ancient formulation of the question of rule by the knowledgeable, the Mohist principle of promotion by capability (Mozi, 5th-4th centuries BCE), and the political recommendations addressed by I.S. Peresvetov to the Muscovite sovereign in the mid-16th century, it is demonstrated that the question of competence as the foundation of political authority was raised in various cultures. This points to the structural nature of the demand for competent rule, which is not reducible to the cultural specificity of any particular tradition and which arises in societies where the complexity of administrative tasks exceeds the capacity of the existing procedures for selecting rulers. The terminological formalization of the concept of technocracy belongs to the industrial era, and the technocrat is assigned the function of problem definition without the authority to make final political decisions. Empirical studies of recent years document a discrepancy between the declared technocratic shift in the Russian elite and the actual restructuring of decision-making mechanisms. The inclusion of 16th-century Russian political thought in this genealogy refines the interpretation of contemporary Russian technocratization. Despite the borrowed character of its institutional forms, the principle of competence in the recruitment of political elites reveals a distinct line of continuity within the Russian political tradition.

Key words: state, political elite, rule of the knowledgeable, right to power, technocracy, elite recruitment.